

ЛИЧНОСТЬ И ВРЕМЯ: ПРАВДА ЭПОХИ

Банкарем Никифорович

(О воспоминаниях Бориса Клейна)

Это особый литературный жанр. Естественно, мемуарист обычно субъективен в подходе к событиям, индивидуален в стиле, бывает и пристрастным в своих оценках. Но здесь перед нами рассказ пытливого исследователя. Он не случайно назван "Недосказанное". У автора долго не было возможности свободно поведать о пережитом, важном не только для него одного. Воспоминания живущего сейчас в Америке видного историка, доктора наук профессора Бориса Клейна с первых же страниц привлекают внимание аналитическим взглядом, откровенной, выстраданной интонацией, проникновением в сущность эпохи.

...С Борисом Клейном меня познакомил писатель Василь Быков. Это было в Гродно, в конце шестидесятых годов прошлого столетия. Уже тогда стали привлекать внимание оригинальные исследования и острые статьи историка. Они отличались научной глубиной и публицистической страстностью, все более заметным несогласием с установками идеологии советского времени, с примитивными и догматическими трактовками событий. Борис открывал интересные страницы истории, инициировал археологические раскопки и реставрацию памятников культуры. Откровением для многих читателей становились публикации Клейна, посвященные выдающимся личностям, выходцам из Беларуси. На основании собственных исследований, используя архивные находки, редкие издания прошлого он вводил читателей в жизнь таких замечательных людей как Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич, Вильгельм Костровицкий (поэт Гийом Аполлинер) и других, исследовал родословную Дмитрия Шостаковича... Потрясающую научную эрудицию Бориса Клейна я почувствовал, когда в качестве редактора работал в Мин-

ске над созданием телефильма "Гранде Эдукадор" (режиссер Виктор Карпилов), посвященного биографии просветителя Латинской Америки, уроженца Беларуси Игнатия Домейко.

Нельзя без волнения читать страницы "Недосказанного" о преследованиях, которым подвергся автор в семидесятые годы. Гонения, казалось бы, типично советские в данном случае отличались особым коварством, поскольку направлены были не только против Клейна, а метили также в его друга Василя Быкова. Главный тогда чекист Андропов лично направил в политбюро ЦК подробное письмо об "антисоветской группе", состоявшей из писателей Алексея Карпюка и Василя Быкова, а также Бориса Клейна, как было там написано, "отъявленного антисоветчика и сиониста". После этого его лишили ученой степени и звания доцента, запретили преподавание, любые публикации, выступления и т.п., а работу "предоставили" на плодовоощной базе. Освободили его из фактического заключения только через несколько лет... С особым душевным волнением написаны страницы, посвященные друзьям-писателям, которые держались стойко, несмотря на давление властей.

Много интересного в этой авторской исповеди о пережитом. И о том, например, как он одним из первых в стране организовал в Гродно свободный университет. И о многом, найденном в "тиши архивов" за годы, проведенные в неустанных поисках. И о том, каким был его ответ на официальное предписание выступить в прессе с осуждением Израиля и евреев.

Путь в науку был долгим и трудным. Борис Клейн рассказывает о своем ощущении постоянного противодействия со стороны так называемой "совет-

ской элиты", которая "считала, что ничего не обязана восстанавливать и беречь, и избавлялась от наследия, как от брошенного чужого добра".

Современный читатель может не представлять себе, какими методами советские органы власти "копили" компромат на тех, кто мыслит более или менее свободно в то время. Автор не приукрашивает и период "перестройки". Он, например, рассказывает о срыве попыток установления из Америки деловых и научных контактов с Беларусью. Впечатляет целеустремленность, позволившая ему и в эмиграции, несмотря на возраст, сохранить высокую интеллектуальную активность. Среди его интереснейших недавних публикаций - работа "Дело врачей: взгляд с Запада", основанная на неизвестных ранее и хранящихся в американских архивах документах, 25 из которых были рассекречены по его инициативе.

Через все воспоминания проходит мысль об особой важности изучения уроков тоталитаризма. Потому что сегодня в бывших республиках СССР "следующим номером программы", как он пишет, может стать страшная "охота на инакомыслящих".

Эмоциональная сила мемуаров заключается в их удивительной правдивости. До сих пор не прозвучала в мире полная правда о "провинциальной" жизни в стране, где сменявшие друг друга поколения заставляли все тот же гнет коммунистической диктатуры. Отсутствие понимания той реальности зачастую мешает трезвым оценкам того, что ныне происходит на посттоталитарном пространстве. Поэтому столь значимо и "досказанное" теперь Борисом Клейном. Он потрудился не зря.

НЕДОСКАЗАННОЕ (ВОСПОМИНАНИЯ)

Борис Клейн
доктор исторических наук

"...Есть много такого, о чем я сказать вам не смею,
Так много, о чем вы мне сами
Сказать не дадите;
Снисхожденья прошу я у вас".
Гийом Аполлинер¹

Единственный ныне живущий участник "гродненской группы", я расскажу, с какого времени мы стали держаться вместе с Василем Быковым² и Алексеем Карпюком³, что довелось вынести, пережить. Память может меня в чем-то подвести, а другие напишут о случившемся иначе. Это в порядке вещей. На то и мемуары, чтобы посмотреть на минувшее под своим углом зрения.

Мой рассказ в основном коснется нескольких человек. Но им суждено было стать участниками еще и поныне не завершившейся драмы общественного распада. И через одну судьбу могла пройти нить к тому, что произошло со всеми.

С Алексеем Карпюком я повстречался впервые в Гродно сразу после войны, когда он учился в Педагогическом институте вместе с моим братом Львом⁴ /впоследствии профессором Санкт-Петербургского и Венского университетов/.

В нашей квартире на улице Энгельса Карпюк делился своими заботами, а когда добился первых литературных успехов, он шел сюда, чтобы сообщая им порадоваться. В один из ранних своих очерков⁵ он вставил монолог хирурга Аси Моисеевны⁶ - моей матери. Настало время, когда сблизилась и наши жены - моя, Фрида⁷, и его, Инга⁸. На-

Василь Быков

стоящую популярность принесла ему повесть "Данута"⁹, окрашенная тем целомудрием довоенного любовного влечения, которое еще не стало тогда старомодным.

А в конце 1950-х я познакомился с Василем Быковым, работавшем в той же редакции "Гродненской правды"¹⁰, где и моя жена. Не могу сказать, что нас сразу потянуло друг к другу: случайные разговоры, вот и все.

Я не понимал, какой обманчивой была его подчеркнутая простота, но скрытно, - начинался "выброс" колоссальной потока творческой энергии. Заговорили о первых его публикациях.

Как-то приехал в Гродно Янка Брыль¹¹. Мы оказались за одним столом с ним и с Быковым в ресторане на Советской площади. Прекрасный рассказчик, Брыль завладел общим вниманием, люди буквально смотрели ему в рот. И вот он обрисовал появление в одном учреждении нового сотрудника, по слухам уволенного из лагерной ВОХРы (тогда как раз шел частичный демонтаж сталинской карательной системы). Новичок каждое

утро приносил на работу еду в баночке, чтобы покормить учрежденческого кота. Один раз покормил, другой - даже растрогал некоторых сослуживцев. Но кто-то подумал вслух: а много, должно быть, загубил человеческих душ этот наш кормилец...

В этот момент я заметил, как пристально вглядывается Василь в лицо Брыля, будто взвешивая его слова. Затем у них началась своя беседа. Теперь уже Брыль больше молчал, ожидая, что скажет Быков.

После этого случая мне пришло в голову, что должно быть, я не разобрался в человеке, с которым, как оказалось впоследствии, у нас так много общего. В книге "Долгая дорога дадому"¹² Василь пишет, что привлекало его во мне. Словом, началось наше сближение.

Как раз тогда бесславно ушла хрущевская "оттепель"; вслед ей отправили в отставку и главного смутьяна. Власть наглядно продемонстрировала всю "амплитуду своих колебаний": от сталинских зверств до суматошных ломок. Больше в ближайшем будущем ожидать сверху нечего - и, слава Бо-

¹ Гийом Аполлинер /он же - Вильгельм Костровицкий/ - французский поэт /1880-1918/. Архивы подтверждают причастность его предков к восстанию 1863 г. на Новогрудчине.

² Быков Василь Владимирович /1924-2003/ - белорусский писатель.

³ Карпюк Алексей Никифорович /1920-1992/ - белорусский писатель.

⁴ Клейн Лев Самуилович /р. 1927/ - археолог, доктор исторических наук, брат Б.С.Клейна. Живет в Санкт-Петербурге.

⁵ Очерк Карпюка "У хирурга".

⁶ Ася Моисеевна, мать Клейнов /1899 -1978/.

⁷ Фрида Матвеевна Пугач - жена Б.С.Клейна, журналист, живет в США.

⁸ Инна Анатольевна Карпюк (Ольшевская) - жена А.Н.Карпюка, кандидат исторических наук, живет в Гродно.

⁹ "Данута" - повесть А.Н.Карпюка, опубликованная в 1960 г.

¹⁰ "Гродненская правда" - областная газета, издавалась в Гродно.

¹¹ Брыль Янка /Иван Антонович/ - белорусский писатель.

¹² Долгая дорога домой - книга воспоминаний В.Быкова, издана в Минске в 2004 г.

¹³ "Новый мир" - литературный журнал, издававшийся в Москве.

Алексей Карпюк